

Размышляя о деятельности и творчестве Георгия Чулкова (1879–1939), я всегда задавал себе вопрос: как он, «мистический анархист», друг Мережковских и А. Блока, оказался в стане так называемых большевиков и даже не был репрессирован, и умер не в лагерях, как его друзья, а в квартире от «грудной жабы», как тогда называли сердечный приступ. Почему? Почему-то после октябрьской революции Г. Чулков не эмигрировал, хотя его знакомство и дружба с Мережковскими свидетельствовали о том, что делать ему в советской России абсолютно нечего. В отличие от А. Блока Чулков никогда не был апологетом советской власти. Хорошо известно стихотворение «Шёл» З. Гиппиус-Мережковской о заблудившихся А. Белом и А. Блоке, заканчивающееся словами:

В покрывале ветер свищет,
Гонит с севера мороз...
Никогда их не отыщет,
Двух потерянных — Христос.

Странная судьба сковала, а может быть, разлучила многих деятелей Серебряного века. Я уже писал об этом, цитируя стихи друга и близкого знакомого Г. Чулкова — Вяч. Иванова: «Да, сей костёр мы поджигали...» Мережковские и Г. Чулков были уверены, что костёр этот вспыхнет не так. И Блок, и Ф. Сологуб подали после революции заявления на выезд за границу, но всё-таки не уехали по разным причинам. Андрей Белый, наоборот, вернулся в советскую Россию. Г. Чулков никогда не высказывал жела-

*А. Блок, Ф. Сологуб и Г. Чулков.,
С.-Петербург, осень 1908.*

ния уехать на Запад, хотя, как я уже писал¹, в 1930-е годы он, как и А. Белый, был на грани ареста при сталинском режиме. В 1931 г. Сталин отпустил Е. Замятина на запад, но в кругах первой эмиграции его воспринимали как возможного советского шпиона, в связи с чем ему пришлось обосноваться не в Париже, а в Англии, где он и умер.

Но ни А. Белый, ни Г. Чулков, ни неожиданно вернувшийся в СССР Максим Горький на запад не стремились. Зададим вопрос: почему это происходило? Как это ни по-

Г.И. Чулков в 1910 г. Портрет работы З.Е. Серебряковой

¹ <https://www.topos.ru/article/7328>; Г. Муриков «Оккультная заря России», СПб, 2011, с. 95–117.

кажется странным, думаю, что существо вопроса состоит в том, что в кругах символистов не было никакой убеждённости в том, каким путём должна идти Россия, если погибнет или будет устранено православие. Очень многое здесь было связано с масонством, не столько как с возможной новой религией, а как с новым грядущим символом веры.

Этим вопросам была посвящена книга Г. Чулкова «Императоры», впервые изданная в 1928 году. При советской власти, разумеется, ничего нельзя было говорить прямо, но опять-таки подчеркнём, что советская власть как-то интуитивно была близка символистам, и, прежде всего потому, что категорически отрицала православие. Так называемое «историческое христианство» было чуждо и Мережковским (с которыми много лет работал Г. Чулков), и Брюсову, который даже вступил в большевистскую партию. Нельзя забывать, что такие видные коммунисты, как Чичерин и Луначарский, посещали знаменитую башню Вяч. Иванова.

Уже в зрелом возрасте, прекрасно понимая, что «сей костёр мы поджигали...», Г. Чулков, видимо, внутренне согласился с тем, что произошло, и, опираясь на исторический опыт России, решил как бы дать сам себе и предполагаемым читателям отчёт о причинах и смысле произошедших событий. Книга «Императоры» начинается с обзора деятельности Павла I. Личность Павла I и по сей день вызывает множество спорных и противоречивых оценок. Например, ещё на заре перестройки Н. Эйдельман написал интересную книгу «Грань веков». У нашего современника судьба императора вызывает ассоциации с трагической судьбой Людовика XVI, казнённого революционерами в 1793 году.

Но вот что очень важно. «Павел не мог уже рассуждать последовательно и здраво (т. е. перед смертью, уже предчувствуя организованный против него заговор — Г. М.). Ему казалось, что дело вовсе не в банкротстве страны, не в нищете, не в привилегиях, а в чём-то ином. Восстали тёмные дьявольские силы, которые посягают на священное право монархов. Об этих таинственных прерогативах верховной власти было обстоятельно и убедительно написано в масонских книгах, которые он получал от Плещеева, Панина, прусского принца Генриха, шведского короля Густава III и прочих магистров и мастеров братства. Но теперь до Павла дошли странные вещи, которые сводили его с ума. Ему стало известно, что будто бы страшные якобинские клубы инспирированы были масонами. (...) Масоны внушили Павлу, что христианская церковь отстала от просвещённого века, что религиозные истины

хранятся в тайном учении, которое мудро согласуется с духом времени, что он, Павел, как будущий самодержец (речь идёт о событиях французской революции до смерти Екатерины II — Г. М.), выше епископов и соборов. Эта идея нравилась Павлу. Но вот, однако, всемогущие масоны не могут или не хотят спасти великодержавного Бурбона. Значит, им всё равно, монархия или якобинская власть, только бы изничтожить властную соперницу — церковь. Надо или убить её вовсе, как хотят якобинцы, или поставить над ней иную самодержавную императорскую власть и лишить её свободы».

Если учесть, что это написано в 1928 году, то совершенно ясно, о чём он писал. Большевицкая революция свершилась, церковь почти что упразднена, масонство в его марксистско-ленинском выражении восторжествовало. Г. Чулков прекрасно понимал, о чём он пишет.

Известный французский историк — «политолог» тех лет аббат Огюст Баррюэль — подчёркивал масонский характер французской революции 1789–93 гг. Знал ли об этих предположениях Павел, нам точно не известно, но не вызывает сомнения его опасение масонских кругов Англии. Г. Чулков пишет: «Коронованные розенкрейцеры (одна из разновидностей масонства того времени — Г. М.) не были, очевидно, посвящены в планы, о которых рассказал Баррюэль, если надлежит верить его рассказам. Как бы то ни было, мы не можем сомневаться в яростной ненависти Павла к якобинцам. Ему мерещились царубийцы». Как известно, не зря они ему мерещились.

Чулков всегда подчёркивает внутреннюю борьбу и конфликт Павла I и его окружения. Всю жизнь император Павел опасался внутренних заговоров. На эту тему друг

Боровиковский
Владимир Лукич (1757–1825).
«Портрет Павла I в костюме
гроссмейстера Мальтийского
ордена». 1800 г. Холст, масло.
266 x 202 см. Государственный
Русский музей, Санкт-Петербург

и единомышленник Г. Чулкова Д.С. Мережковский написал пьесу «Павел I». Сразу возникает вопрос, был ли Павел связан с масонами, или его связь с Мальтийским орденом была только знаком борьбы с притязаниями Английской империи? О связях масонов с мартинистами до сих пор ведутся дискуссии.

Возможно, Павел старался защитить древние рыцарские традиции, но возможно, что он пошёл на поводу у англо-масонов, что и привело его к гибели.

Суть вопроса в том, что тогда — на рубеже веков — не было ясности, на чьей стороне должна воевать Россия: то ли на стороне нового «императора» Наполеона, то ли на стороне Англии, которая издавна вела антироссийскую политику, особенно во время правления премьер-министра Питта Уильяма младшего. В то время захватническая политика Англии, особенно в Индии, тревожила не только Россию. А потому, когда Наполеон дружески предложил Павлу заключить союз против Англии, то Павел после некоторых раздумий это предложение принял. Итогом этого союза стало убийство Павла при заговоре с участием английских дипломатов.

Когда на престол вступил Александр I, стало ясно, что Наполеон не стал другом России. А почему? Наполеон дважды сватался к русским царевнам, сёстрам Александра I — Екатерине Павловне и Анне Павловне. В 1808 году (после заключения Тильзитского мира²) Наполеон просил у Александра I руки Екатерины Павловны, но получил отказ, так как она уже якобы была помолвлена с графом Г. Ольденбургским. На предложение о женитьбе на тринадцатилетней Анне Павловне Александр отказал по причине её возраста. Иными словами, царь отклонил возможный союз с Наполеоном, о котором в последние годы своего правления думал его отец император Павел I. У нас, особенно в последнее время, много говорят, что Павел I был убит в результате английской интриги. С той поры в русском журнальном обороте появились выражения: «англичанка гадит» и «англичанка мутит».

Император Александр I (1777–1825), глубоко связанный с масонскими ложами, прекрасно понимал, что мировой заговор масонства, отчасти проявившийся уже во время французской революции, неизбежно перетечёт и на Россию. Это понимала и его

² Тильзитский мир — мирный договор, заключённый в период с 13 (25) июня по 25 июня (7 июля) 1807 года в Тильзите (ныне город Советск в Калининградской области) между Александром и Наполеоном после Войны четвёртой коалиции 1806–1807 годов, в которой Россия помогла Пруссии. *Википедия*

бабка, императрица Екатерина II. Здесь уместно вспомнить судьбу А. Радищева, одного из самых значительных масонов XVIII века. Пушкин в статье «Александр Радищев» писал так: «...преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединённые силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников». На самом деле и товарищи, и соумышленники у него были. И если бы он не покончил с собой, то он, вероятно, был бы близок к кругам декабристов, как предполагалось в советских источниках. Но и сам Александр не был уверен в религиозном смысле своей власти.

Вспомним А.С. Пушкина:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

А вот что пишет Г. Чулков: «Замечается в Александре Павловиче много остроумия и способностей, но совершенная лень и нерадение узнавать о вещах, и не только чтоб желать ведать о внутреннем положении дел, как бы требовали некоторого насилия в познании, но даже удаление читать публичные ведомости и знать о происходящем в Европе. То есть действует в нём одно желание веселиться и быть в покое и праздности». Этот текст был написан воспитателем Александра Протасовым в 1791 году, когда будущий император пребывал во Франции для общего образования по указанию своей бабушки Екатерины II. Напомним, что именно в том году разворачивались самые серьёзные акции французской революции: был казнён король Людовик XVI, а немного позднее его супруга Мария-Антуанетта. И всё это время упомянутый автор сообщает: «От некоторого времени замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грёзам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошими женщинами».

Задумаемся, мог ли такой правитель серьёзно противостоять Наполеону, который под совершенно новым государственно-

религиозным мировоззрением мог овладеть практически всем миром. Народ Франции, ослеплённый масонскими лозунгами — свобода, равенство братство, — сокрушал великое государство — королевскую Францию. Масоны, подкормленные международной иудейской мафией и раскормленные международным англо-еврейским капиталом, о чём писал Маркс в статье «К еврейскому вопросу»: «Противоречие между политической властью еврея на практике и его политическими правами есть противоречие между политикой и денежной властью вообще. В то время как по идее политическая власть возвышается над денежной властью, на деле она стала её рабыней» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 1, с. 409).

Масонские лозунги и опыт пребывания во Франции как бы склоняли императора Александра в сторону неких либеральных воззрений на уровне того времени. Но с другой стороны нарастала опасность агрессии Наполеона, очевидного противника масонства в его английском обличии. Наполеон понимал опасность всемирного влияния масонства, но, чтобы не бороться с ним, попытался взять его под свой контроль. Старший брат, Жозеф Бонапарт (1768–1844), был посвящён в ложу «La Parfaite Sincérité» («Совершенная искренность») на востоке Марселя. В 1804 году он стал Великим Мастером Великого Востока Франции и королём Неаполя, а затем — королём Испании.

Все эти вопросы Г. Чулкову стали ясны только после октябрьской революции. Уже в 1812 году возник вопрос о том, нужно ли было окончательное истребление наполеоновской империи для российского государства. Известно, что Кутузов (тоже масон) был категорически против этого: «Я вовсе не убеждён, — заявил он однажды генералу Вильсону, — будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение императора Наполеона и его армии. Наследство его достанется не России или какой-либо другой из держав материка, а той державе, которая уже теперь господствует на морях, и тогда преобладание её будет невыносимо». А ещё раньше, под Тарутином, он сказал одному русскому генералу: “Мы никогда, голубчик мой, с тобой не согласимся: ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдёт на дно моря, я не охну”». (Стр. 150)

В одной из своих статей³, посвящённых событиям войны 1812 года, я задавал вопрос, почему Наполеона выпустили из России при его отступлении. Об этом размышлял и наш извест-

³ Г. Муриков. «О загадках войны 1812 года». http://1812w.ru/libris/lib_m/murikov1812.php.

ный писатель — историк В. Пикуль, возлагая вину на генерала П.В. Чичагова. Но суть дела, видимо, была в другом: Наполеону нужно было дать возможность освоиться в Европе, и тогда воцарился бы прочный международный мир. И Кутузов, и Александр I были уверены, что России не следует вмешиваться в англо-французский конфликт, но... что-то пошло не так.

Следует отметить ещё один факт, о котором пишет Г. Чулков: усилиями союзников на трон вместо Наполеона был посажен Людовик XVIII. После бегства Наполеона с Эльбы и знаменитого его похода на Париж Людовик XVIII «позорно бежал из Тюильри, узнав о том, что Наполеон идёт на Париж, и армия встречает его с восторгом. Впопыхах этот помазанник забыл на своём столе тайный договор, заключённый им с Англией и Австрией и направленный против России» (стр. 166). Наполеон, вступив в Париж, отправил этот документ Александру, но тот никак не отреагировал. Здесь снова возникает вопрос о связях, объединявших Союз всемирных масонских лож с тогдашними государственными правителями.

Пропагандисту и теоретику «мистического анархизма» Г. Чулкову именно мистические и тайные пружины мировой истории стали проясняться уже после Великой Октябрьской масонской революции.

Общий смысл войны Александру виделся как совокупность библейских понятий: «Александру казалось, что он обрёл истину. Он бредил библейскими текстами. Ему снились исполинские картины, созданные воображением Иезекииля. Наполеон, которого он обнимал в Тильзите и называл братом, теперь казался ему страшным зверем» (стр. 150).

Мог ли Александр, сам по себе весьма сомневавшийся в христианской религии того времени, вдруг ополчиться на Наполеона, который тоже был далеко не верующим христианином? Все эти странные и интересные вопросы стали для Г. Чулкова в равной мере, как и для его бывших друзей Мережковских, почти необъяснимыми. Роман Д.С. Мережковского «14 декабря» вышел в 1918 году, в разгар революции. Вспомним, что говорил Ленин о декабристах: именно они подготовили революцию. Так и получилось.

Прошло 10 лет. Мережковские эмигрировали. Через некоторое время Сталин разрешил уехать Замятину, рвался за границу Булгаков. Но Г. Чулков и А. Белый остались в советской России, не стремились никогда уехать за границу. А. Белый написал трёхтомные мемуары «На рубеже двух столетий», «Начало века» и «Между двух революций». Работал над воспоминаниями

и Г. Чулков. Но, как я уже писал в предыдущей статье, само понятие «мемуаров» — в смысле воспоминаний о прошлом — в то время уже было опасным. А вместе с тем ему хотелось — я так думаю, — понять, как же так получилось, что «мистический анархизм» превратился в государственный терроризм.

Перед Г. Чулковым в конце 1920-х — 30-х гг. встал очень интересный, с нашей точки зрения, вопрос, а с его точки зрения — прямо-таки животрепещущий: что же лучше, проклятый царский режим или текущая советская действительность? Читая газету «Правда» тех лет, я с удивлением обнаружил, что, например, карточки на хлеб были отменены только в 1936 году, в год принятия знаменитой «сталинской» конституции. Неужели так бедна была советская республика? Может быть, шла подготовка к мировой революции, куда и уходили деньги за экспорт хлеба?..

Г. Чулков, сравнивая разных российских императоров, иногда говорит правду, иногда подсмеивается над ними. Например, об Александре I, победителе Наполеона, сказано, что «у него будто бы искусственные ляжки сделаны из ваты для красоты» (стр. 174). Это напоминает высказывание А.Д. Кюстина (из книги «Россия в 1839 году»), что Николай I постоянно носил корсет, подчёркивая для окружающих свою стройную фигуру. Если подходить к разным государственным деятелям с такой точки зрения, то можно задать вопрос: о кепке Ленина, об отсутствии на портретах Сталина оспин или далее: почему уродец Черчилль выбрал себе в жёны красавицу и т. д.

Но, рассуждая о судьбе Александра I, Чулков постоянно обращает внимание на его религиозные сомнения, которые, как и в то время, и в эпоху Серебряного века, да и в наши дни всегда были движителями духовной русской истории. «В январе 1913 года Александр писал из Плотска известному мистика Кошелёву: “Как ни приятно узнать, что вы меня поняли. Моя вера чиста и ревностна. С каждым днём эта вера во мне растёт и крепнет, давая такого рода наслаждение, которое было неведомо для меня”» (стр. 183).

Что это была за вера? В декабре 1812 года императором было основано так называемое Библейское общество. Но это была не самостоятельная организация — это было отделение Великобританского библейского общества. Что это было за общество? Оказывается, смысл их собраний состоял в распространении идей разного рода международных протестантских церквей вкуче с масонскими движениями на территории России. Некоторые факты просто поразительны:

«В 1814 г. в Лондоне к русскому царю явились известные квакеры Вильям Аллен, участник коммунистического предприятия Овена, Стефан Грелье, мистик и филантроп, Джон Вилькенсон и Люк Говард. (Овен — это утопический социалист Роберт Оуэн⁴, которого Маркс и особенно Ленин считали своим предшественником, одним из источников научного коммунизма — Г. М.) (...) Впрочем, Александр ничего не мог и не хотел противопоставить их туленькой морали и сомнительному мистицизму. Они были довольны друг другом» (стр. 185). В этих рассуждениях удивляет даже не то, что император Александр был как бы сторонником каких-то квакеров и гернгутеров⁵, а то, что он своими действиями в религиозной области как бы и подготовил грядущее восстание декабристов. Это стал отлично понимать Г. Чулков в конце 1920-х — 30-х гг.

Но вот что писал один их самых ярких русофобов А. де Кюстин: «Народы безмолвствуют лишь до поры до времени. Рано или поздно они обретают язык, и начинаются яростные споры. Тогда подвергаются обсуждению все политические и религиозные вопросы. Настанет день, когда печать молчания будет сорвана с уст этого (русского — Г. М.) народа и изумлённому миру покажется, что наступило второе вавилонское столпотворение. Из религиозных разногласий возникнет некогда социальная революция в России, и революция эта будет тем страшнее, что совершится во имя религии» (А. де Кюстин, стр. 562). Эти слова кажутся тем более провидческими, что они высказаны задолго до появления Коммунистического манифеста К. Маркса, и уж подавно до размышлений Н. Бердяева в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (опубл. на нем. в 1938 г.). Зададим вопрос: а откуда маркиз де Кюстин, второстепенный французский публицист, мог знать, что случится в России, спустя почти век? Никто из проницательных читателей не мог быть посвящён в будущие тайны мировой истории. Даже проповеди и прогнозы Маркса и Энгельса оправдались через полвека только на четверть.

Значит, А. де Кюстин что-то *знал*, то есть был посвящён в некие тайные смыслы масонских учений. Судя по всему, Г. Чулков,

⁴ Роберт Оуэн (англ. *Robert Owen*; 14 мая 1771 — 17 ноября 1858) — английский философ, педагог и социалист, один из первых социальных реформаторов XIX века.

⁵ Гернгутеры (от назв. селения Гернгут в Саксонии, близ Дрездена), представители протестантского движения, исторически связанного с гуситами и моравскими братьями, появившегося в Германии в XVIII в. и отличающегося сосредоточенностью на молитвенной жизни и общинным характером проживания. *Большая Российская энциклопедия*

переживший страшный опыт «великого Октября», начал догадываться или даже догадался, «откуда растут ноги». А суть этого вопроса именно в предвидении де Кюстина о том, что Россия — страна богоискателей. Никакого православия и никакой официальной религии в России никогда не было. По некоторым сведениям и Гитлер наставлял офицеров, воюющих на восточном фронте: никогда не вступайте с русскими в споры на религиозно-философские темы, так как они всегда вас переспорят. Уместно вспомнить, что незадолго до смерти В.Г. Белинский писал Н.В. Гоголю о русском народе: *«Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нём ещё много суеверия, но нет и следа религиозности».*

Здесь следует заметить, что в споре с Гоголем именно Белинский оказался прав. Атеизм — это тоже вероучение своего рода (вспомним Робеспьера и его культ Высшего Существа). А вот то, что многообразии различных религиозных учений привело к революции, в наше время ни у кого сомнений не вызывает. Главной организацией, противостоящей общему мировому порядку, являются масоны. Г. Чулков это понял. В нашей литературе часто говорят о сопротивлении Наполеону в Испании. Вот что об этом пишет Чулков: «Население Испании, руководимое масонами, отказалось вообще терпеть старый порядок. В одной только России было “благополучно”. Впрочем, и здесь были некоторые неприятности. Вскоре после закрытия первого сейма в Варшаве поляки обратились к верховной власти с рядом настойчивых требований» (стр. 193).

Всё это как бы намёк на то, что сама природа польских восстаний коренится в масонском движении. Об этом Чулков упоминает дальше: «Пусть знает русский император (эти слова Г. Чулков приписывает Меттерниху — Г. М.), что Священному союзу противостоит иной союз. Он, Меттерних, не желая лицемерить, во все не утверждает, что ему точно известно, к какому из этих двух союзов благосклонен святой дух. (...) Сергей Иванович и Матвей Иванович Муравьёвы-Апостолы (не забудем, что это будущие руководители декабристов — Г. М.) были членами той же самой ложи “Трёх добродетелей”. Это они в 1817 году были основателями Союза благоденствия. И тогда уже можно было предвидеть, к чему всё это клонится. Источник революции надо было искать в Европе, на Западе. Теперь уже Александр не сомневался, что сатанинский дух (*le génie satanique*) присутствует во всемирном революционном движении» (стр. 193–196).

Написать такие слова в 1928 году, да ещё на территории СССР, было непросто, а дальше ещё покруче. Из письма Александра

к Шатобриану: «Представилось испытание — восстание Греции. Ничего не могло быть более выгодного для меня и моего народа, более согласного с общественным мнением народа России, как религиозная война против турок, но я видел в волнениях Пелопоннеса признаки революции и — удержался... Нет, никогда не оставляю я монархов, с которыми нахожусь в союзе. Государи имеют право заключать явные союзы для защиты от тайных обществ» (стр. 198). Г. Чулков, цитируя это письмо, уже ясно понимал, судя по всему, к каким итогам этот заговор «тайных обществ» приведёт Россию. А вскоре после публикации этих размышлений в книге Г. Чулкова (1928 г.) последуют другие тайные договоры аналогичного характера, в частности пакт Молотова — Риббентропа 1939 года.

Не случайно Г. Чулкова так интересовали периоды правления Павла I и Александра I. Обращая свой взгляд в относительно недавнюю для него историю, он пытался понять, что же случилось со страной. Конечно, прежние взгляды его молодых лет о мистическом анархизме полностью исчезли. Как я уже писал, в повести «Вредитель» (1931–32 гг.) Г. Чулков изображает своё странное положение при советском строе. Как говорится, «свой среди чужих, чужой среди своих». Зададим снова тот же самый вопрос, почему же он не эмигрировал. Все его друзья и знакомые были уже за границей, некоторые из них уже умерли. Ответа на этот вопрос нет.

Может быть, излагая судьбу Александра I, особенно его кончину, Г. Чулков думает и о конце Серебряного века, своей эпохи: «Девятнадцатого ноября был пасмурный и мрачный день. В 10 часов утра император Александр умер.

Вскоре после этой официально засвидетельствованной смерти царя начались толки в народе, что император вовсе не умер, что он, тяготясь державой, ушёл с посохом куда-то в неизвестную даль, а похоронили вместо царя кого-то другого. Возникла легенда. Впоследствии уверяли даже, что сибирский старец Фёдор Кузьмич, умерший в 1864 году, был не кто иной, как сам император Александр. Легенду поддерживают иные даже в наши дни» (стр. 216). Напомним читателю, что книга опубликована в 1928 году, а несколько ранее (1911–1913 гг.) Д.С. Мережковским был написан роман «Александр I», в котором развивалась та же самая тема. Очевидно, в народной душе, а тем более в потаённом сознании символистов образ императора Александра обретал некий тайный мистический смысл, который, возможно, в его глазах приобрела и советская власть. Рискну предположить, что и для М. Булгакова Сталин не случайно воплотился в образ Воланда, уносящегося куда-то в бесконечность.

И, конечно, самое поразительное, что в очерке об Александре III Чулков воздаёт неожиданную хвалу самому злодейскому реакционеру и консерватору (с точки зрения советской власти), да и вообще так называемой прогрессивной общественности — Константину Петровичу Победоносцеву. О нём хорошо известны слова Блока («Возмездие»):

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простёр совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...

Молодой в то время Д.С. Мережковский добился у него приёма и стал рассуждать о свободе слова и демократии, на что Победоносцев дал ему такой ответ: молодой человек, знаете ли Вы, что такое Россия, это ледяная пустыня, по которой бродит лихой человек. Мережковский ушёл, так ничего и не добившись. Об этом Победоносцеве, который в то время возглавлял Священный синод, Г. Чулков пишет (подчеркнём, пишет в советское время) так: «Константин Петрович был очень умный человек. Его желчный, злой и острый ум позволил ему обрушиться с беспощадной критикой на все начала так называемой демократии. Он высмеял, как никто, все закулисные махинации буржуазного парламентаризма, интриги биржи, подкупность депутатов, фальшь условного красноречия, апатию граждан и энергию профессиональных политических дельцов. Это — всё жалкие говорильни» (стр. 350). Ей-богу, кажется, что всё это написано прямо-таки сегодня и относится к нашим временам. Не такие уж «совиные крыла» распостёр Победоносцев над Россией, а просто предчувствовал, куда ветер дует. Понял это и Г. Чулков после смерти А. Блока.

Многое пришлось переосмыслить символистам из того мистического угара начала XX века, но их опыт бесценен, а в нашу эпоху особенно важен.

2 октября 2020 года
Санкт-Петербург